

УДК 81`22

ДИСКУРСИВНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ В ШИРОКОМ И УЗКОМ СМЫСЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Н.В. Бизюков (Красноярск, Россия)

Е.В. Цыганкова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена разновидности языковой манипуляции – дискурсивной манипуляции на материале советского политического дискурса. В статье приводятся специфические черты манипулятивного дискурса, рассматривается дискурсивная манипуляция в широком и узком смысле, дается характеристика ее разновидностям. Автор рассматривает эпитет как языковой материал, обладающий манипулятивным потенциалом.

Основной метод исследования – дискурсивный анализ.

Результатом анализа примеров советского политического дискурса является вывод о том, что приемы манипуляции подразделяются по воздействию на эмоциональную сферу и интеллектуальную.

Вывод. Применение описанных приемов советского политического дискурса не всегда является манипуляцией ради достижения корыстных целей. Целью является скорее стремление иллюстрировать существующее положение вещей, а не изменить взгляды или намерения массового адресата.

Ключевые слова: манипуляция, языковая манипуляция, дискурс, политический дискурс, эпитет.

*Управлять – не столько приказывать,
но больше угадывать волю управляемых,
тогда держава прочна согласием.*

В.Д. Иванов. Русь Великая

Проблема и цель. В первичном значении лексическая единица «манипуляция» обозначает разновидность иллюзионного жанра [Манипуляция] и прагматически не маркирована, поскольку является термином и, следовательно, как элемент лексической системы языка коннотативно нейтральна [Суперанская и др., 2007, с. 107]. Другое значение слова «Манипуляция» подразумевает воздействие [Манипуляция], именно оно является ключевым для настоящей статьи.

Манипуляция массовым сознанием очень широко и тонко используется в политических текстах, направленных на достижение какой-либо очевидной цели (например, победы на выборах) или для поддержания уже заранее

заданной позиции; в этом случае языковые средства отбираются и вводятся в речь с особой тщательностью. При данных обстоятельствах языковой материал тесно переплетается с экстралингвистической ситуацией, выступает в неразрывной связи с историческими и (или) социальными событиями – вертикальным контекстом [Игнатов, 2006, с. 114–115]. Исследователь и массовый адресат имеют дело уже не с текстом, а с более сложным явлением – дискурсом [Белянин, 2009, с. 193].

К широко применяемым приемам манипуляции можно отнести: эвфемизацию и дисфемизацию, метафоры, особенно развернутые, пресуппозиции (в связи с эмпатией автора и, возможно, массового адресата), а также употребление конкретных слов в привязанной к ним ситуации разворачивания событий. Однако автор дискурса, организовав последний должным образом, может воздействовать на образ внеязыковой реальности, не прибегая к вышеупомянутым

манипулятивным средствам. Потенциал дискурса позволяет без использования перечисленных приемов создавать и поддерживать задаваемый манипулятором социально-психологический настрой, например, воздействовать на воображение, которое более уязвимо, нежели мышление [Кара-Мурза, 2008, с. 182]. Такое поведение является более тонким способом управления настроением и мышлением адресата.

Цель данной статьи: описание приемов манипуляции в советском политическом дискурсе.

Методология исследования основана на трудах исследователей политического дискурса [Кара-Мурза, 2008; Чудинов, 2001; Васильев, 2010; 2013; 2016] с применением дискурсивного анализа [Будаев и др., 2016].

Языковая манипуляция как социально-лингвистический феномен неотделима от человеческого общения. Искоренить ее невозможно по той причине, что, как предполагается, «в целом восприятие не обманывает нас – то, что мы... слышим... дает в представлении человека адекватную картину мира» [Семенова, 2009, с. 7], «прагматика речевого общения не требует с необходимостью подтверждения истинности полученной информации... достоверность сообщения “принимается” за идеальную норму коммуникации...» [Арутюнова, 1999, с. 8] и «в основном восприятие текста происходит лишь на первом, линейном (содержательном) уровне, оставляя за скобками второй – подтекстовый уровень прочтения текста» [Ионина, 2008, с. 20]. Очевидно, что манипуляция распространена гораздо шире, чем может показаться на первый взгляд.

Поскольку любой текст в совокупности с вертикальным (в нашем случае политическим) контекстом неотделим от внеязыковой реальности, рассматриваемому в статье феномену резонно придать статус не столько языковой, сколько дискурсивной манипуляции (далее – ДМ).

Под дискурсивной манипуляцией мы понимаем разворачивающееся в контексте внеязыковой реальности и явно не выражающееся речевое и психологическое воздействие на получателя информации, при котором последний, изна-

тельно не разделяющий полностью или частично эмпатию автора манипулятивного дискурса и не понимающий его интенций, постепенно склоняется к нужной автору дискурса точке зрения.

Дискурсивная манипуляция – процесс многосторонний, и ее влияние на получателей информации не может характеризоваться однозначно и подчиняться только строго очерченным закономерностям. Без сомнения, интегральные черты манипулятивного воздействия существуют; они могут наблюдаться в практически любом ПД и в целом сводятся:

а) к подаче адресату социально значимой и даже истинной информации, являющейся базой для манипуляции;

б) избирательному приведению аргументов и фактов, причем в наиболее выгодном для манипулятора свете;

в) использованию лингвистических и психологических приемов склонения объекта манипуляции к заранее выработанной точке зрения;

г) подразумеванию, однако не обнаружению и тем более раскрытию интенций автора МД;

д) вопреки особенности стандартного общения [Прохорова, 2001, с. 196], использованию в дискурсе речевого материала при предварительном анализе лингвистических приемов; не простое начинание и поддержание коммуникации с целью информирования, но эффективное решение поставленных проблем.

Очевидно, что манипуляция – явление универсальное, подчиняющее себе представителей различных слоев общества, которые обладают разными фоновыми социально-историческими знаниями и разной языковой компетентностью. Данная «всеохватность» манипуляции может быть проиллюстрирована на примерах массовой рекламы, электронных и печатных публицистических текстов политической направленности, а также публичных выступлений ораторов, спикеров, представителей.

С другой стороны, наравне с интегральными дифференциальными чертами проявления манипуляции неизбежны; они варьируют в зависимости от индивидуально-личностных характеристик каждого автора ПД и целевого адре-

сата. Одинаково во всех случаях процесс манипуляции происходит не может по той причине, что уровень культурной и языковой компетентности говорящих субъектов никогда и ни у кого не будет идентичным. Очевидно, что, несмотря на наличие интегральных черт, которые невозможно игнорировать, манипуляция немислима без черт дифференциальных. Управление сознанием адресата неизбежно в определенной мере «подстраивается» под каждого индивида, владеющего «своим» совокупным багажом знаний; при этом вырабатываются «индивидуальные» способы воздействия, поскольку «...к чужому сознанию нет непосредственного доступа» [Журавлев, 2004, с. 19]. Такая гибкость манипулятивных речевых тактик, проявляясь прежде всего в межличностном общении, применяется в тех же отраслях речевого взаимодействия, что и «интегральная» манипуляция, однако имеет место в менее крупных масштабах, характеризуя переговоры, интервью, выступления перед не-массовой аудиторией.

Истории известны примеры, когда авторы текстов не использовали прием «подстраивания» под адресата, но, напротив, применяя методы воздействия на все слои населения, опирались на «интегральную» манипуляцию. Последняя широко использовалась в обществе советского периода, именуемого «тоталитарным, пропагандистским, идеологизированным» [Романенко], и центральным местом в языковой политике считается формула «ритор – массы» [Романенко].

Результаты исследования. Говоря о манипуляции как феномене управления настроением и поведением массового адресата, мы не рассматриваем данное явление как неделимое, не имеющее составных частей и определенной, по своему уникальной структуры. Проанализировав материал исследования и теоретические источники информации, мы выделяем ДМ в широком и узком значении термина. Под первой разновидностью мы подразумеваем любое воздействие на адресата высказывания. Данная концепция рассматривает инструкцию по эксплуатации технического устройства, открытый при-

зыв к действиям, просьбу о помощи, прямую словесную угрозу (агрессивный дискурс), иными словами все, вынуждающее получателя информации действовать так или иначе – как манипуляцию, поскольку адресат совершает поступок, желаемый автором высказывания, и заранее поставленные цели достигаются. В этом случае лексема «манипуляция» скорее нейтральна, чем пейоративно окрашена; лишь переход из парадигматики в определенный горизонтальный и особенно вертикальный контекст актуализирует латентные семы неискренности.

К манипуляции в широком значении термина мы также относим такое речевое воздействие на адресата, при котором получатель сообщения понимает манипулятивные интенции адресанта, а последний не скрывает своих намерений. В качестве примера можно привести любой лозунг, открыто призывающий к каким-либо действиям:

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

*Все силы народа — на разгром врага!
Вперед, за нашу победу!*

Манипуляция в узком значении серьезно отличается от только что охарактеризованной разновидности дискурсивного воздействия. Здесь данная лексема, обладая негативной оценкой, обозначает речевое программирование получателя информации на задаваемое желанием адресанта поведение с любой целью, угодной только источнику манипуляции. Для этого должны выполняться два условия:

- 1) цели участников коммуникации не совпадают;
- 2) говорящий субъект строит свое поведение таким образом, что адресат не ощущает собой стратегии достижения заданной цели.

Именно такой вид воздействия на получателя информации (конкретного индивида или массового обывателя) именуется в лингвистической науке манипуляцией, скрытый, неявный характер которой четко определяет отрицательную оценку не только самой лексемы, но и любой актуализирующей ее ситуации в целом.

Рассматриваемая разновидность манипуляции подразделяется нами на два вида.

Прием эмоционально-ориентированной манипуляции характеризуется воздействием на чувственную сферу адресата, при которой получателя информации задевают за живое, пробуждая благородные либо негативные эмоции, в результате чего объект манипуляции блокирует интеллектуальную сферу и начинает мыслить либо действовать в порыве. Манипуляция достигается путем частой и эффективной апелляции к низменным, но крайне эффективным эмоциям – гневу, страху, жадности, ненависти и т.д. Такой способ воздействия подразумевает хоть и незаметное, но действенное навязывание адресату выгодной манипулятору позиции. При этом распознать манипуляцию могут не все, так как имеет место использование системы приемов, которые становятся очевидными только при определенной компетентности адресата в области лингвистики и психологии, а также при наличии знаний той социальной ситуации, в условиях которой разворачиваются описываемые действия и происходит их интерпретация манипулятором.

Данный прием часто применяется для манипулирования представителями низших слоев населения, привыкшими подчиняться скорее голосу эмоций, чем рассудка, то есть пассивной аудиторией.

В качестве примера можно привести следующий горизонтальный контекстуальный фрагмент:

*Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм **неукротим** в своей **бешеной** злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся **свободный** труд и благосостояние.*

Данный фрагмент показывает манипуляцию, основанную на страхе. Введение в контекст эпитетов «неукротим» и «бешеной» на фоне эпитета «свободный» актуализирует интенсему боязни [Туранский, 1990, с. 33], что еще ярче иллюстрирует антитезу «враг – Родина». Оппозиция «свой – чужой» становится еще более ощутимой; различия между Добром и Злом подчеркиваются еще ощутимей.

Существует и другая разновидность ДМ, имеющей место при воздействии не на эмоциональную, а на интеллектуальную сферу адресата. Такой способ считается более тонким и изысканным, поскольку он:

1) направлен не на порыв, но на разум и, следовательно, практически не демонстрирует своей прямолинейности;

2) позволяет влиять не только на пассивную, но и на активную аудиторию (ссылки), склоняя тем самым на свою сторону (со всеми вытекающими благоприятными последствиями) пусть немногочисленную, но критично мыслящую прослойку массового обывателя.

Сферы общественной деятельности, в которых применяется выделенная разновидность манипуляции, – те же, в которых используется взывание к эмоциональному миру адресата: коммерция, массовые коммуникации, большая и малая политика. Именно здесь скрытая ДМ достигает апогея широты и эффективности применения.

Манипуляцию, направленную на атаку интеллектуальной сферы человеческого мышления, организовать, выстроить, распознать и нейтрализовать значительно труднее, поскольку она применяется для «промывания мозгов» прослойки общества, способной иметь и имеющую свой взгляд на происходящие события. Адресат – представитель активной аудитории, заранее предвидя манипуляцию, способен не только заподозрить автора дискурса в нечистых намерениях, но и, из желания знать больше либо разоблачить обман, склонен проверять на истинность преподносимую ему информацию.

Интеллектуально-ориентированная манипуляция зависит от цели, когда автор предполагает апелляцию к интеллекту массового адресата исключительно с «благородной» целью; при использовании такого рода манипуляции отправитель информации: а) стремится показать истинное положение вещей; б) ставит целью склонить получателя информации к принятию своей позиции и в) не скрывает своих намерений. Данный подвид МД имеет интегральные черты с ДМ в широком значении, а если речь идет о собственно манипуляции – лишь в самых общих

чертах, а именно в использовании простейшего приема манипуляции: утверждения.

Нижеследующий текстовый фрагмент «защищен» преподнесением фактов, истинность которых не вызывает сомнений:

*Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла **серьезная** опасность.*

Применение эпитета «серьезная» оправдана, поскольку при учете перечисленных военных достижений вражеской армии массовый адресат поневоле задается вопросом о будущем развитии событий на территории СССР. В данном случае можно даже констатировать отсутствие манипуляции как таковой в силу констатации фактов, истинность которых не вызывает сомнений, и отправитель информации скорее информирует население о ходе войны, нежели пытается склонить народ к своей точке зрения. При этом, если не констатировать отсутствие манипуляции, можно утверждать наличие ДМ в широком смысле, при котором намерения адресанта не скрываются, а последний открыто демонстрирует свою конечную цель.

*Я думаю, что ни одно **миролюбивое** государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном неслыханном условии — если мирное соглашение не задает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести **миролюбивого** государства.*

*Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим **некоторого выигрышного** положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как **кровавого** агрессора.*

В данном фрагменте эпитет *кровавого* также применяется в своем парадигматическом значении, актуализация данной лексемы в горизонтальном контексте не является причиной семантико-прагматического прироста, и манипуляция если и присутствует, то только в широком смысле термина; ее целью является скорее иллюстрировать существующее положение вещей, а не изменить взгляды или намерения массового адресата.

Однако если рассмотреть эпитет *некоторого*, то здесь мы наблюдаем явную манипуляцию – выигрышное положение противника было более серьезное, чем просто «некоторое», налицо прием эвфемизации в сочетании с интеллектуальной манипуляцией: намек идет на то, что по сравнению со всей территорией СССР оккупированные области по площади во много раз меньше.

Аналогичная «парадигматическая» манипуляция может наблюдаться в следующих фрагментах речи И.В. Сталина от 3 июля 1941 г. [Речь Сталина...].

*Враг **жесток** и **неумолим**. Он ставит своей целью захват **наших** земель, полных **нашим** потом, захват **нашего** хлеба и **нашей** нефти, добытых **нашим** трудом.*

*Целью этой **всенародной** отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой **освободительной** войне мы не будем **одинокими**. В этой **великой** войне мы будем иметь **верных** союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками.*

Пейоративно маркированные эпитеты *жесток* и *неумолим* объективно обрисовывают захватчиков; наиболее часто употребляемый *наш* в его родовых, числовых и падежных формах остро показывает оппозицию «свой – чужой», иллюстрируя все пострадавшее от врага и то, на что посягнул агрессор. Эпитеты *всенародной*, *освободительной* и *великой* в данном контексте

не имеют манипулятивного потенциала, способного как-то изменить их прагматические семы, равно как и эпитет «верных», вполне оправданных исторически для характеристики союзников СССР в Великой Отечественной войне.

В заключение следует отметить, что в материале проанализированного политического дискурса рассматриваются примеры манипуляции, имеющей целью распространиться на массовую аудиторию во имя всеобщего блага, а не ради достижения корыстных целей рекламодателя или политического провокатора с нечистыми намерениями. Объект страха, упоминаемый в дискурсе – реальный и конкретный; речь не идет о какой-либо «химере» [Бизюков, 2015, с. 184], обладающей только планом выражения при отсутствующем плане содержания. Если мы и выделили в речи И. Сталина случаи проявления манипуляции, то подход к данному явлению лишен какого-либо пристрастия и сделан исключительно в интересах лингвистического исследования в целом и проблемы языковой манипуляции в частности.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд, испр. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 663.
2. Белянин В.Н. Психолингвистика / Московский психосоциальный институт. М: Флинта, 2009.
3. Бизюков Н.В. Манипулятивный потенциал слова-мифогена «Модернизация» (на материале публицистического дискурса) // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. № 1 (31).
4. Будаев Э.В., Кондратьева О.Н., Нахимова Е.А., Чудинов А.П. Методика диахронического анализа политической метафорики // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2016. № 6 (60). С. 18–31.
5. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
6. Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 2 (56). С. 10–16.
7. Васильев А.Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2010. № 1. С. 141–147.
8. Журавлев И.В. Тело другого: коммуникация и непрерывность // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2004. № 1.
9. Иванов В.Д. Русь Великая. М., 1982. С. 104.
10. Игнатов К.Ю. Интертекстуальные словосочетания как средства анализа авторского стиля // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1.
11. Ионина А.А. Особенности современного текстового общения. SMS-язык // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2008. 2 (27). 2008.
12. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2008. С. 182.
13. Коваль О.А. Некоторые аспекты отражения косвенных смыслов в английском и русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2010. № 1. С. 132.
14. Манипуляция [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%ED%E8%EF%F3%EB%FF%F6%E8%FF>
15. Плохинова А.С., Лапинская И.П. Языковые манипуляции. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodichenkov.ru/Psycho/manipulation/>
16. Прохорова Н.М. Пути развития семантического чутья как одной из составляющих лингвистического мышления // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2001. С. 195–200.
17. Речь Сталина по радио 3 июля 1941 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.belkprf.ru/wiewnews.php?id_product=4600&id_parent=2

18. А.П. Романенко. Образ ратора в советской словесной культуре: учеб. пособие [Электронный ресурс]. URL: http://www.modernlib.ru/books/andrey_petrovich_romanenko/obraz_ritora_v_sovetskoy_slovesnoy_kulture_uchebnoe_posobie/read/
19. Семенова Т.И. Модус кажимости: между истиной и ложью // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер.: Филология. № 3 (7). Иркутск, 2009. С. 7.
20. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории . 4-е изд. М.: Изд. ЛКИ, 2007.
21. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990.
22. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.

DISCOURSE MANIPULATION IN A BROAD AND NARROW SENSE (BASED ON THE MATERIAL OF THE SOVIET POLITICAL DISCOURSE)

N.V. Bizyukov (Krasnoyarsk, Russia)

E.V. Tsygankova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to a kind of language manipulation that is discourse manipulation based on the material of the Soviet political discourse. It describes specific features of manipulative discourse, considers discourse manipulation in a broad and narrow sense and characterizes its varieties. The author regards the epithet as a linguistic material possessing a manipulative potential.

The main *research method* is discourse analysis.

The *result* of the analysis of the Soviet political discourse examples led to the conclusion that the methods of manipulation are divided into the emotional and intellectual spheres by their impact.

Conclusion. The application of the described methods of the Soviet political discourse is not always a manipulation to achieve selfish goals. The goal is rather a desire to illustrate the current state of things, and not to change the views or intentions of the mass audience.

Key words: *manipulation, language manipulation, discourse, political discourse, epithet.*

References

1. Arutyunova N.D. (1999). Language and the world of man (Text) / N.D. Arutyunova. 2nd ed. Moscow, *azyki russkoi kul'tury*, 663.
2. Belyanin V.N. (2009). *Psycholinguistics* / Moscow Psychosocial Institute. Moscow, Flinta, 193.
3. Bizyukov N.V. (2015). Manipulative potential of the word-mythogene "Modernization" (on the basis of publicistic discourse) // *Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev*, 1(31), 184.
4. Budaev E.V., Kondratyeva O.N., Nakhimova E.A., Chudinov A.P. (2016). Method of diachronic analysis of political metaphors // *Political Linguistics*, 6(60). Ekaterinburg, 18–31.
5. Vasil'ev A.D. (2013). Games in words. Manipulative operations in media texts. St. Petersburg, 660.
6. Vasil'ev A.D., Podsokhin F.E. (2016). Information war: linguistic aspect // *Political linguistics*. Vol. 2 (56), 10–16.
7. Vasil'ev A.D. (2010). Manipulative euphemization as an attribute of media discourse // *Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev*, 1, 141–147.
8. Zhuravlev I.V. (2004). Somebody else's body: communication and continuity // *Bulletin of Voronezh State University. Series of Linguistics and Intercultural Communication*, 1. Voronezh, 19.
9. Ivanov V.D. (1982). *Great Russia*. Moscow, 104.
10. Ignatov K.Iu. (2006). Intertextual word combinations as a means of analyzing the author's style // *Vestnik of MSU*, 19. *Linguistics and intercultural communication*, 1, 114, 115.
11. Ionina A.A. (2008). Features of modern text communication. SMS-language // *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series "Philology. Theory of language. Language Education"*, 2 (27). Moscow, 20.
12. Kara-Murza S.G. (2008). *Manipulation of consciousness*. Moscow, Algoritm, 182.
13. Koval' O.A. (2010). Some aspects of the reflection of indirect meanings in English and Russian // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series "Linguistics"*, 1. Moscow, *Izd-vo MGOU*, 132.
14. Manipulation. Available at: ru.wikipedia.org/wiki/%D0%ED%E8%EF%F3%EB%FF%F6%E8%FF [1]
15. Plokhinova A.S., Lapinskaia I.P. *Language manipulation*. Available at: www.rodichenkov.ru/Psycho/manipulation/

16. Prokhorova N.M. (2001). The ways to develop the semantic sense as one of the components of linguistic thinking // Actual problems of linguistics and linguodidactics. Interuniversity collection of scientific articles. Krasnoyarsk, KSPU, 195–200.
17. Stalin's speech on the radio July 3, 1941. Available at: www.belkprf.ru/wiewnews.php?id_product=4600&id_parent=2 [2]
18. Romanenko A.P. The image of the rhetorician in the Soviet verbal culture: a textbook. Available at: www.modernlib.ru/books/andrey_petrovich_romanenko/obraz_ritora_v_sovetskoy_slovesnoy_kulture_uchebnoe_posobie/read/ [3]
19. Semenova T.I. (2009). Modus of appearance: between the truth and lies // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University. Series of Philology, 3(7). Irkutsk, 7.
20. Superanskaia A.V. (2007). General terminology: theory issues (Text) / A.V. Superanskaia, N.V. Podol'skaia, N.V. Vasil'eva. 4th ed. Moscow, Izd. LKI, 107.
21. Turanskiy I.I. (1990). Semantic category of intensity in English. Moscow, Vysshaia shkola, 30.
22. Chudinov A.P. (2001). Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of the political metaphor (1991–2000): monograph. Ural state pedagogical university. Ekaterinburg, 238.